Тони Корсо

Тень Трех Столетий

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

18+

Тень Века Пламени

Тони Корсо

Тень трёх столетий. Часть вторая

«Автор»
2026

Корсо Т.

Тень трёх столетий. Часть вторая / Т. Корсо — «Автор», 2026 — (Тень Века Пламени)

Три сотни лет ожидания подошли к концу. Магия больна, ткань бытия трещит по швам, однако, живое Сердце мира бьётся вновь, а значит надежда жива. Рин и союзники должны найти второй якорь, чтобы развеять тень, что три века довлеет над миром, — пока не стало слишком поздно.

© Корсо Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. К новому берегу 5
Глава вторая. Дороги 14
Глава третья. Искра 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Тень трёх столетий. Часть вторая

Глава первая. К новому берегу

...и хотя с Века Пламени прошло
три столетия, человечество,
пережившее ярость вулканов,
крушение империй и угасание Сердец
мира, едва ли пребывает в*
благоденствии. Могучий Союз
Тойха́н шагает по обоим
континентам, и на обоих гремят
тойханские пушки и ружья и лязгает
сталь. Великий поход, как его
называют завоеватели, призван
собрать воедино всё, чем владела
Гис, и создать империю, могуществу
которой не было и не будет равных.
Потому и нет единения меж людьми,
а старые ордена, что могли бы
стать мостом меж народами, давно
служат владыкам земель и храмов.
Нет покоя и магии мира — она с
каждым годом всё крепче вонзает
зубы в разумы магов, и несть тому
конца и не видно тому края...
** Магистр, однако, утверждает, что*
живое Сердце мира забилось вновь.
— прим. первого читателя.
*** Источник? — прим. второго*
читателя.
** Сейчас сплаваю на Риф,отыщу там*
мага искажений,
научусь видеть правду-истину и
тогда сообщу тебе, какие у
Магистра источники!

— переписка на полях (велась в записях, между учениками Магистра Ле́йны Сато́р)

Когда ваша покорная слуга была ребёнком, она захотела изучить возгораемость разного рода материи. Проверить степень подверженности субстанций огню почему-то было решено не на камнях у реки или хотя бы на почтительном удалении от родного дома, а прямо в вертикальном саду. От пожара поместье уберегло чудо и бдительная прислуга. Родители и воспитатели вели себя на удивление спокойно. Няньки лишь тихо вздыхали, молчал отец и матушка тоже — покуда не нашла верные слова: «Разум, который в тебя вдохнула Мать, до́лжно применять с пользой. Учение не стоит ничего, если не служит всеобщему благу». Что же… Ценность этой максимы невозможно переоценить.

— Магистр Лейна Сатор. Размышления о разуме

Чужое воспоминание пришло, как обычно пропитав собой явь и растворив её в себе. Рин вдруг сорвалась вниз, даже не вскрикнув, будто земля ушла у неё из-под ног. Чернота сомкнулась над головой, как водная пучина над утопающим.

Рин беспомощно озиралась, ломая глаза о мрак, но ничего не видела, а только падала и падала, покуда первый страх не сменила усталость, а потом ей на смену не пришло отстранённое, покалывающее любопытство. Каждый лёгкий укол — новый вопрос: «Куда я падаю? Сколько ещё? Есть ли вообще у этой пропасти дно?»

Вскоре темнота начала расслаиваться. Мир светлел, обретал контуры — пока Рин не увидела ступени, спиралью обвивающие колодец, в который она провалилась.

Наконец подошвы сапог коснулись дна пропасти. Тени слиплись в силуэт, и тот стрелой подлетел к Рин и… прильнул к ней.

«Беги, — отчаянно и разбито прошептал он… нет, она — это была женщина. — Я останусь здесь».

Рин с жаром оттолкнули так, что она спиной ударилась о тёмную стену. Силы вспыхнули в теле, словно оно было кремнём, способным ударом о камень высечь искру.

«Нет, — из горла вышел чужой голос, — уйдём вместе…»

Ответ был приглушённый и неразборчивый: «Никогда не преодолеет… не владеет… не понимает… не сможет посмотреть…» Речь ускользала, как вода из сжатого кулака.

«Там, где сердце», — раздалось вокруг, эхом разбежавшись от стен и сводов. Внутри всё сжалось от тоски. От этих слов, от того, как они были произнесены, хотелось завыть, роняя горючие слёзы.

Почему же?

«Там, где сердце», — отозвалась Рин.

— Что?

Волна ударила борт снаружи, бриг закряхтел, как брюзгливая старуха, и в ноздри настырно полезли запахи старой кожи, масла для ламп и, конечно, соли, въевшийся в одежду, волосы и доски. Отсвет на стене дрогнул.

— Держи! — скомандовала Ци́лла.

Блюдо, служившее зеркалом двум обитательницам тесной, скрипучей каюты, чуть было не опрокинулось, но ловкие пальчики Рин вцепились в его бронзовые бока, удержали и поставили обратно к стене. В нём покачнулось и замерло отражение лица, на котором одни черты — мягкий рот с маленькой тенью над верхней губой и большие плошки голубого цвета — проигрывали в неравном бою другим — острым, чётким линиям челюсти и подбородка, и, конечно, высокому лбу. Рин, давно считавшая себя взрослой, застыла при виде столь очевидного подтверждения её притязаний. Она изучала себя со смесью любопытства и страха, какой чувствует девочка, на которую из зеркала вдруг смотрит женщина. Нет, конечно, до этого пока не дошло, но…

— Мне кажется, или я и впрямь говорила тебе не высовывать язык? — в отполированной пластине показалось другое отражение. Рин привычно скрыла восхищение (да и, чего греха таить, укол зависти), разглядывая безупречные черты: прямой нос, высокие скулы, полукружья тонких бровей над зелёными глазами. Богиня-мать, из под молота которой вышли все живые существа, видимо, ковала Циллу с особой любовью и с особым же тщанием. — Говорила или нет?

— Да. Говорила.

— Так будь добра. Ты не собака, — длинные пальцы, покрытые мозолями, управлялись с огненно-рыжими волосами Рин так же ловко, как с ружьём и рапирой, заплетая пряди, жёсткие от солёной воды, в короткую косу и скрепляя их липкой смесью из воска и пудры.

— Зачем тебе, — Рин указала на выпуклое бронзовое брюхо, — это? Ты ведь всё равно в него не глядишь. Да и не видно в нём ни шиша.

— Что, прости?

Оборачиваться, чтобы понять, что Цилла подняла бровь, было не нужно.

— Ничего. Не видно ничего.

Позади раздался усталый вздох. Тёплое дыхание защекотало шею Рин.

— Ты слишком много времени проводишь в компании моих стрелков.

— А ты-то?

— Таков мой офицерский долг, а ты по собственному желанию постоянно подле них. Впрочем, это полбеды. Не будь ты столь податлива…

— И вовсе я не… — попыталась возразить Рин.

— …и столь восприимчива, — невозмутимо продолжала Цилла, — может, и не цепляла бы, как репья, всё, что другие бросают.

Не дав собеседнице времени на дерзкий ответ, она спокойно пояснила:

— Что до отражения, то оно нужно не мне, а тебе — чтобы любоваться работой мастера и хвалить её. Помни, что добрые слова ничего не стоят для тех, кто их произносит, но бывают дороже всего для тех, кто их слышит.

Благодарная ученица кивнула, а затем нервозно пожевала губу.

— А что… ты видела в этот раз? В предыдущие ты ничего не говорила.

С тех пор, как сила Сердца мира пробудилась в Рин, Берил — её предшественник и призрак давно ушедших времён — порой просачивался в настоящее. Чужие воспоминания, чужая суть — она проживала их, как свои собственные.

— Интересное что-то сказала?

— Всего одну фразу. «Там, где сердце», — во сне горечь, которой эти слова были пропитаны, чувствовалась острее, но и сейчас, наяву, они навевали печаль.

— Я… Берил — он повторил её за кем-то. Даже не знаю, за кем. Я не всегда понимаю, что вижу. Наверное, когда найдём Ткачей Памяти… Когда найдём второй якорь…

Да. Тот самый, за которым они решились плыть на край света, когда уничтожили... Рин вздрогнула и мысленно взмолилась: «Хоть бы второй не был таким же, как первый!»

— Он… оно больше не являлось? — спросила Цилла.

«в сВОЁ… вРемЯ», — хрипло отозвалась память голосом паразита, покалечившего магию мира. Рин поёжилась.

— Нет. Не являлось.

Цилла тяжело вздохнула, но голос её прозвучал неожиданно легко:

— Посмотри-ка, — сказала она, отстраняясь. — Что скажешь?

Рин повернула голову, в одну, затем в другую сторону и твёрдо решила: «Это какой-то неизвестный вид магии». Ей заплели из волос длиной до плеч не одну — две косы по бокам и соединили их на затылке, сцепив серебряным колечком.

— У нас так не делают. Я думаю… думаю, что зря. Зря не делают.

Глава отряда стрелков победно улыбнулась — так, будто бой не успел начаться, а её враги уже подняли белый флаг.

— Славно, — удовлетворённо заявила она.

— Переживут ли эти косы…

— Урок магии материи? О, не волнуйся, — Цилла прищурилась, как сытая лиса. — Воск и пудра их удержат. Однажды этим составом мы заклеили Лу́цию рану. Небольшую, конечно. А у колец хватка как капкан. Сразу видно, что их придумала женщина — благословенна будь госпожа Вензи́ция.

— Кто это?

— Мастерица, каких не видывал прежде свет. Она воистину богиня иглы и веретена. Видела бы ты вещи, которые сотворило её воображение. Я слышала, что даже слуги Ордена

заказывали у неё одежды с пластинками брони. Вшитыми в ткань! Такими тонкими и лёгкими, что и не разглядишь.

«Вещь полезная, — рассудила Рин. — Особенно для шпионов или тех, за кем по пятам ходят наёмные убийцы».

— Твои косы выдержат что угодно. Ветер, прыжок за борт — всё. Да что уж там, их, наверное, и магией будет не расплести. К слову, насчёт зеркала ты права. Надо поговорить с господином Рош-Хара.

А есть ли в разговорах толк? Капитану «Солнечного Ветра» принадлежало единственное настоящее зеркало на борту, но едва ли удалось бы получить в пользование такое сокровище. Вещица стоила мешок серебра, а весила как путевой камень, не обладая и каплей его прочности. Одно неловкое движение — и от капитанского сокровища останутся самые дорогие и самые бесполезные осколки, какие только можно вообразить.

Рин молча поднялась и стала шуршать, нет, хрустеть узкими штанинами, стёганкой и приталенной накидкой — вещи настолько пропитались солью, что почти не гнулись. Наверняка их можно было даже не складывать, а просто поставить у стены — и они встали бы как миленькие. Утешало одно: девушка не была одинока. Наряд Циллы издавал те же страшные звуки.

Одевшись, Рин неудачно выпрямилась и задела деревянную перекладину головой. В каюте — как и в бронзовом блюде — едва было довольно места для одного обитателя, да и тот бы наверняка постоянно задевал стены плечами, бился бы пальцами о ножки хлипкого стола и всё время путался бы в гамаках. Что уж говорить о двоих?

Рин ругнулась и выбежала из каюты, не дожидаясь выговора от Циллы. Недовольно заскрипел косяк, на который магичка опёрлась; доски в полу и на лестнице заныли под ногами, разбуженные спешными шагами.

Се́йка ждал у дверей, на палубе «Солнечного Ветра», бодрый и готовый вбивать в голову ученицы мажью науку.

— Вот это скорость, — вместо «здравствуй» и «доброго утра» изрёк маг, — была бы чуть быстрее, обогнала бы мешки из трюма.

Его гладкое лицо, поразительно свежее для человека, которому давным-давно перевалило за тридцать, удивлённо вытянулось. На нём появилось выражение, изредка мелькавшее в те мгновения, когда действительности каким-то чудом удавалось превзойти ожидания Сейки. Мутно-серые глаза сощурились, оглядывая Рин.

— Невероятно. Ну-ка повернись. Святая Аэ́лия постаралась?

— Она.

— Потрясающе. Что ж, проверим работу в деле. Пойдём.

Палуба ходила ходуном от моряцкой беготни. Один из матросов, которого звали просто Хромой, в ответ на корявый вопрос Рин, заданный по-ате́кски, торопливо бросил что-то на родном языке. Получилось разобрать только «верх». «Паруса поднимают», — предположила Рин.

Носились и стрелки Циллы, бурно что-то обсуждая.

— Отличное у капитана вино… — утверждал Сола́с, пыхтя и еле сматывая канаты. Широкая улыбка, однако, не сходила с его грубого краснощёкого лица.

— Да ну, — буркнул Томи́рис — бугай, что стоял рядом с ним, подбрасывая и сворачивая тросы с ловкостью циркача. — Жмых виноградный.

— Вам, столичным, не угодишь.

— Нет, друг мой, ты неправ, — вмешался Луций. Он вспотел; рубашка приклеилась к его телу, а золотые волосы липли к высокому лбу. От этого зрелища Рин беспокойно впилась зубами во внутреннюю сторону щеки. — Твой вкус, как бы это выразиться…

— Как у енота помойного.

— …весьма непритязателен. Капитанское вино — это преступление. Как у человека, чей платок стоит дороже тиары из золота, на столе может обитать такая дрянь?

— Даже в дезертирстве не видать мне свободы от солдатского общества, — пробормотал Сейка. — Шею не сворачивай, воробушек. Благословенный стрелок на службе у Владыки, да ещё когда он так хорош собой, получше обычной немытой солдатни будет, но едва ли намного.

— И ничего я не сворачиваю, — огрызнулась Рин.

— Я заранее предупреждаю. Во избежание.

— Во избежание чего?

— Всего. Довольно вопросов.

— Так всего один и был-то!

— И тот лишний.

Конечно, можно было потребовать разъяснений или попробовать за них поторговаться, либо же попытаться одолеть Сейку в едком красноречии… Едва ли бы всё это помогло. Господин тойха́нский маг был непреодолимым препятствием, отвесной скалой, карабкаться по которой придётся несколько дней с риском для жизни, а обходить — и того дольше.

— Вот и я говорю: дрянь, — с чувством довершил спор Томирис.

— А ну, — старший отряда по имени Тит вырос над стрелками и рыкнул на них, не меняя выражения каменного лица, — разговорчики.

Он оглянулся: не идёт ли где Цилла, их декания, либо же брат Квилан — тот имел свойство бесшумно подкрадываться и появляться рядом в самый неподходящий момент.

Рин тоже осмотрелась. Брата Ордена на палубе не оказалось, зато у кормы устало перебирал ногами Верс, прогуливаясь на свежем воздухе. С начала путешествия прошло две недели, и почти всё это время крепкому, ловкому прежде лучнику нездоровилось: его мутило — и от еды, и от голода, светлая голова его постоянно кружилась, а поэтому от дел он был освобождён.

— Ты что это тут делаешь? А как же пытки корабельного врача?

— Вроде бы они мне больше не понадобятся, — нахмурил светлые брови Верс. — Как и сухари под дверью.

— Сколько можно? Сколько ещё ты будешь эти сухари мне припоминать? Их и было-то раз, два и обчёлся! И не только они были, а ещё и рыба, и яблоки сушёные… — всё это она отщипывала от порции, которая полагалась ей. С мясом отрывала, стараясь не обращать внимание на жуткий утробный вой в животе. — Что давали, тем и делилась.

— Я знаю, — прервали её, одарив слабой улыбкой. Рин хмыкнула.

— Воробушек, — Сейка окликнул её; он уже стоял на возвышении, на самой корме. — Мне неведомо, знаешь ты сей великий секрет или нет, но если перебирать ногами быстрее, то получится побежать. Юноша…

Верс заметно напрягся. Как выяснилось, зря:

— Смотреть, — Сейка указал на высокую бочку, видно, показывая пост для возможного дежурства и наблюдения, — можно. Отвлекать — нет. Иначе…

Он не договорил. Никогда не договаривал, свято веруя, что любой должен был понять и так, что следует за «иначе».

— Воробушек, приступим. Гора.

Рин подивилась скорости, с которой тело приняло нужное положение. Сейка гаркнул:

— Плечи! — и всё, больше он ничего не сказал; полагалось, что Рин следовало самой сообразить, что к чему. Справедливости ради, она поняла и повела плечами, слегка размяв их, а после опустила и вытянула шею.

— То-то же. Сколько времени прошло, а у тебя вечно голова в плечах, как у нашкодившей девочки. А хотя… Так, поглядим, — он осмотрел ученицу, и вот тут-то и настал миг подлинного удивления, потому что он не собирался ничего в стойке поправлять.

— Пристойно. Хорошая опора. Теперь щит, разворот, взмах. Дыши!

И она подчинилась.

***

Когда учение подошло к концу, Рин встала на верхней палубе, недалеко от носа, чтобы полюбоваться тем, как режутся о гладкие бока корабля изумрудные волны. Рядом грелся Верс. Ему явно сделалось лучше, если судить по рвению, с которым он повествовал о погребальных одеждах ате́кка.

— …а серые они, — торжественно поведал он, — потому что это цвет пепла. И…

Рин слушала. Не очень внимательно, можно даже сказать, вполуха, но не забывая уважительно кивать. Видеть Верса довольным, со здоровым блеском в глазах? Это стоило десятка повестей о быте атеккского народа.

К тому же разве не она донимала капитана и его помощника вопросами, хоть и во много раз — по мнению Рин, само собой, — более интересными? Желая блеснуть познаниями, она поделилась тем, чему научили *её*. Пересказала легенду о том, как исполинский летающий змей пытался поглотить солнце, но был сожжён божественным огнём — только змеиное крыло осталось на небосводе в виде созвездия. Зачла строки из дивной поэмы, сложенной о силе Сердца мира, между прочим! Щегольнула новыми словами, которые успела выучить.

Верс выслушал её и одобрительно покивал.

— Сердцу мира знание языка атекка обязательно пригодится. Они не были завоёваны старой империей, а потому гис в их царстве не в ходу.

— Совершенно верно, храбрый воин, — бодрый голос капитана Рош-Хара полился сверху, с возвышения, на котором стоял штурвал. — Прелестной sa bekh, если она, конечно, желает быть услышанной и понятой всеми, а не только самыми знатными и просвещёнными, придётся выучить наречие моей прекрасной Страны Солнца.

Рин было спросила в очередной, сотый, должно быть, по счёту раз, что же значит «sa bekh», но передумала. За две недели с тех пор, как «Солнечный Ветер» отдал якоря и покинул гавань Синнага, никто, ни один человек так и не объяснил ей значение загадочного обращения. И капитан, и команда как будто не слышали её вопросов, только называли её без конца «прекрасной» или «изумительной». Особенно Рош-Хара. Впрочем, он льстил всем, причём постоянно и помногу, и всегда чересчур, всегда через край. Рин поначалу испытывала неловкость, но вроде бы перестала.

Вроде бы.

— Может, ты мог бы обучить Сердце мира? — серьёзно вопрошал Верс.

— О нет, — замелькал багровый платок — то голова капитана заметалась так, словно держалась не на мускулах, костях и коже, а на верёвочке, как у игрушечного воина, — я, недостойный торговец, не посмею посягнуть на священный труд учителя.

— Тогда, может… — Рин посмотрела на капитанского помощника, усатого жаба Саад-Та. Тот сурово отказал:

— Невозможно, sa bekh. Учителю — учительство, а морякам — море. Таков порядок, установленный Солнцем.

— Imi rakh haswat, — выругалась себе под нос Рин.

— Hiaswat.

Взоры Верса и Рин метнулись в сторону, намертво пристав к обладателю тихого голоса. Слово, произнесённое им, звучало точно так же, как если бы сошло с уст атеккских моряков. Если зажмуриться и верить только ушам, то можно бы подумать, что рядом оказался кто-то из матросов. Но нет, рядом стоял Брат Ордена и выжидающе смотрел на Рин.

Он заглянул ей в глаза и произнёс:

— Когда говоришь «hias», проговаривать надо не «а», а «я». Imi rakh hiaswat.

Рин бездумно повторила и с каждым словом всё больше желала вылить на себя ведро ледяной воды. Да только и её бы не хватило, чтобы остудить горящие щёки. «Может, за борт? — подумалось вдруг. — Будто бы невысоко…»

— Так ты умеешь…

— Изъясняться на языке солнцепоклонников? Да, в том числе… А, — воодушевился Квилан и отвёл взгляд, будто бы что-то вспоминая, хотя на деле наверняка вовсе ничего не забывал, — так вот куда полагалось пойти недостойному псу, если бы он решил тебе докучать.

Была бы Рин привычна к долгим думам, она бы наверняка пыталась понять, отчего брат Ордена не раскрыл своего умения прежде и почему. Если б она родилась одной из тех, кто печально вздыхает и стыдится всяких глупостей, то она точно затаила бы на Квилана мелочную обиду.

Но характер у Рин был воинский, а ум — стойкий и гибкий, как шагрень, и склонный к увлечённости — порой на грани одержимости. Потому она решительно отбросила стеснение и потребовала:

— Научи меня. Языку атекка — научи.

***

Рин пожалела о своём опрометчивом порыве учить язык почитателей Солнца прямо на следующий день.

Она и её учитель сидели за столом, утопающим в бумагах. Сперва она, кряхтя, плюясь и кашляя, проговаривала слоги и слова. Звуки были сложной, причудливой смесью из грубого и мягкого, хрипящего и мяукающего, но это ещё ничего — с ними Рин справлялась успешно. Гораздо хуже оказались значки, обозначавшие буквы, поскольку они отличались друг от друга так же, как родные братья и сёстры. «Но это можно пережить», — размышляла Рин, старательно записывая слова.

Беда пришла через два дня. Оттуда, откуда её совсем не ждали.

— Нет, — покачал головой Квилан, когда Рин была готова к чтению и уже поднесла к началу короткой строки палец — для удобства. — Не так. Справа налево.

«Терпение, — внутренний голос почему-то стал ниже и глубже — точь-в-точь как у Магистра Лейны Сатор, — одна из величайших добродетелей». Собравшись с силами, Рин вслух прочла приветствие, которое полагалось произносить, обращаясь к царю, воплощению Солнца. Квилан с ровным лицом выслушал, после чего спокойно поправил все слова — от первого до последнего. Ученица повторила так, как ей казалось, следовало. Снова внимательный и понимающий взор, а за ним — исправление. На третий раз проклятое царское приветствие поддалось, а требовательный учитель кивнул и похвалил Рин — твёрдо, будто поставив печать сургучом:

— Если будешь приветствовать сына Солнца так, как сейчас, то атеккская знать не посмеет глумиться над тобой за твоей спиной. Повтори ещё.

Рин просияла; она прочитала строку снова, и не подумав удивиться своей необычайной покорности.

— Хорошо.

Квилан прибавил что-то ещё на языке солнцепоклонников, но тех слов Рин пока не понимала — да она их не слушала. «Каким, — думала она, — образом он умудряется говорить лучше, чем те, для кого атеккский — родная речь?»

— Да как? — спросила она, до глубины души возмущённая этой подлинной несправедливостью. — Как эти чудовищные звуки так легко тебе даются?

— Вот как ты считаешь, Сердце мира, — лицо у Квилана вытянулось; полосы шрама на половине лица и шее немедленно пришли в движение. — Заверяю тебя, мне не было легко. Цена видимой лёгкости — годы труда и постоянства в усилиях, sa bekh.

— Мать и Отец, — застонала Рин и запрокинула голову, — и ты туда же. Да что это означает?

— Разве ты не знаешь? — брат Ордена невинно вскинул брови, как если бы не ведал о любопытстве, снедавшем девушку с тех пор, как на пристани в Синнаге капитан впервые назвал её «sa bekh». — Огонёк пустыни. Пустынная ящерка.

Рин, которую две недели кряду, по всей видимости, называли ящерицей, разочарованно поджала губы, но Квилан продолжал:

— Она живёт в песках, но что любопытней — водится у берега моря, там, где кипяток бьёт из-под земли. Близ обжигающей воды, в горячем тумане огонёк чувствует себя весьма привольно, — такие подробности о природе sa bekh, на взгляд Рин, немного оправдывали атеккских мореплавателей. — Помнишь, что говорил капитан? По венам у sa bekh бежит жидкий огонь, а её шкура — из застывшей лавы. Не случалось проверить, что у ящерки в сосудах, но…

— Но?

Квилан вдруг улыбнулся уголком губ, сняв на миг маску возвышенности.

— Снаружи она в самом деле тёплая, а её чешуя взаправду похожа на пламя и сверкает на солнце, как гранат. Красивый цвет.

— Весьма, — осипло проговорила Рин.

— Весьма, — глядя в сторону, согласился Квилан.

Хотелось задать множество вопросов: о шраме на половину тела, о Мира́зе, вскользь упомянутой Тенью в пылу сражения за Синнаг, о том, сколько лет Квилан провёл в землях атекка и для чего…

Сейчас или никогда.

— Скажи, — вопрос выпал изо рта, как пьяница из трактира, и Рин, конечно же, спросила не о том, о чём хотела, — как тебе достался «Солнечный ветер»? Почему гордые атеккские моряки тебе служат?

«Однако не нужно печалиться, — она мысленно утешила себя, — вполне интересный вопросец». К тому же краткое мгновение замешательства на обыкновенно холодно-безмятежном челе было бесценным.

— Ты и впрямь хочешь узнать? — спросил Квилан, глядя исподлобья. Рин ответила кивком. — Тогда расскажу, как представится случай, а пока…

Длинный указательный палец постучал по столу.

— Запиши царское приветствие.

***

В положенный день Рин влетела на нос корабля и уставилась вдаль. В лиловой дымке вот-вот должен был проступить край крупнейшего острова Рифа.

— Ракеа́т, — с придыханием произнёс Верс, прилипнув к фальшборту. — Этот остров легендарен. Он колыбель Древней Гис.

— Ну, положим, не весь остров, а город. Он и называется так же.

— Нет, — нудно возразил Верс, — город — это «Ракеат-ур».

Рин фыркнула, снова уставившись на горизонт.

Те из ройа́н, кому довелось побывать на острове, рассказывали об исполинских морских воротах, о библиотеке Ордена, величественных театрах, ипподромах и аренах. Иных впечатляли статуи, украшенные драгоценными камнями, а кого-то поражали жужжащие рынки, на которых всё продавалось и всё покупалось, ибо торговали там даже людьми. Было на островах и то, чем в один голос восхищались все выходцы из империи Таройан…

— Ткани? — изумлённо переспросил Верс. — Но почему?

— Потому, — с жаром пояснила Рин, удивлённая уж тем, что такие простые вещи нужно было объяснять, — что нет ничего важнее умения ткать, плести и шить!

— А это ещё почему?

— Сам подумай, ты же вроде мудрец у нас! — Рин щёлкнула его лбу. — Думаешь, ткач или ткачиха плетут всего-навсего какой-то плащ? Как бы не так. В их руках — связи между Матерью и Отцом. А помнишь законы материалики? Если нити ослабнут, то мирозданию не поздоровится.

Верс потёр лоб. Юноша не выглядел обиженным, скорее, задумчивым.

— В этом есть зерно истины, — серьёзно сказал он. — К тому же мать всех мо-ат Ми́рре тоже сшила рану Ди́ртта нитью из звериных жил.

— Шить — дело хорошее! — Солас гаркнул на ухо Рин и Версу, шлёпнув обоих по спине, отчего оба согнулись вдвое. — Вот маманя моя шьёт — да каждая девка бы так шить умела. А вы чего носы повесили? Выньте рожи из плеч. Вроде земля близко. Риф близко! И до него рукой подать!

— Да уж хоть бы, — вяло порадовался Луций, подобравшись ближе. Тит, встав рядом, молча кивнул.

— Ага, — нахмурился Томирис, — Сперва на этих Прощелыговых островах искать не пойми кого, потом опять в песок — к очередным язычникам. Вы уж простите, что я от радости не прыгаю. Умаялся что-то.

— Полно, любезный, — мягко сказала Цилла подбоченясь; стрелки́ же, напротив, выпрямились, — мы не пробудем на острове долго. Всего лишь пополним запасы и получим помощь либо напутствие от доверенного лица Верховного Магистра. К тому же есть множество вещей гораздо хуже, чем те, которые ты описал. Бегство с поля боя, бесчестье…

— Трущобы Да́кии, — пожал плечами Солас.

Знакомая жилистая рука коснулась плеча Рин. С ней поравнялся Сейка, а после изрёк:

— Хуже даки́йских трущоб, как известно, только вино из дакийских погребов. Воробушек, никогда, что бы ни случилось, как бы тебя ни мучила жажда, даже если твоя жизнь висит на волоске — никогда не пей эти помои.

С возвышения, на котором располагался штурвал, раздался голос Квилана:

— Согласен. Вино севера — мерзейшие отходы виноделия.

«Ну и где, — впилась глазами в линию горизонта Рин, — где, чтоб её, эта проклятущая земля? Где этот Риф, чтоб ему провалиться?» Обоих не было видно. Всё так же плыли над морем облака. Мерцала и медленно таяла дымка.

Сначала ударил корабельный колокол — в такт с биением сердца. Затем раздался крик матроса. «Земля! — возвещали оба. — Земля!» Рин затаила дыхание.

В лучах рассветного солнца золотился неизведанный берег — очертания острова Ракеат.

Глава вторая. Дороги

Его высокопреосвященство как-то изрёк: «Клинок и яд опасны, но величайшая угроза — это та, что стоит на двух ногах и одаряет тебя улыбкой, держа кинжал за спиной или занося руку над твоим кубком». Один из нас возразил командующему и сказал, что доверие (и вера в целом) — это божественный дар. Это способность видеть не глазами, но душой. Его высокопреосвященство покачал головой и ответил — как отец неразумному сыну: «Доверие — это добрая сталь, которую ты по собственной воле вручаешь другому, но только глупец может считать, что его ножом будут резать лишь воск для церковных свечей».
— из воспоминаний Рыцаря оплота Ордена Крыльев Господних в Аристе.

Рин не успевала прийти в себя — с того мгновения, когда «Солнечный Ветер» прошёл между стенами, в огромную глотку морских ворот, а корабль ненадолго погрузился в тень от этих врат. Чуть позже, покачиваясь, как сонная утка, судно прошло по лазурной воде к причалу и перед глазами вырос горб огромного чудовища — холм, засеянный строениями из кирпича, а над ними хлопали на ветру огненно-красные навесы и реяли флаги с рогатой головой Хамаррат. Рин обомлела, когда одно из знамён оказалось над ней и стало ясно, насколько большим и ярким было полотно. Одежду, выкрашенную в такой цвет, в Таройан мог носить только императорский род, а здесь, на Рифе, бесценная пламенная краска словно бы продавалась за медяки.

Наконец корабль встал у причала и моряки бросили якорь. К этому времени на Рин успели надеть, как на атеккского юношу из зажиточной семьи торговцев, льняное платье с длинным рукавом, лёгкую накидку и платок, скрывший голову и шею от солнца и от любопытных взглядов. Сейка и Верс удостоились одежды попроще — грубых плащей.

— Мы с Сердцем мира пойдём в библиотеку Ордена — доверенное лицо Верховного Магистра полагается встретить там. Цилла, ты и твой отряд сопроводите капитана и часть команды, — отдал распоряжение Квилан. — Проследите, чтобы на борт попали припасы и только они.

— Будет исполнено, господин.

— Ежели что пойдёт не так, — брат Ордена обратился к Рош-Хара, — немедленно снимайтесь с якоря и отходите к гряде мелких островов к востоку от Ракеата. К тому из них, о котором знаем только мы с тобой. «Солнечный Ветер» не должен попасть в недобрые руки, потому ты обязан скрыть его. Мы же найдём щель в стене и доберёмся до него.

— Господин, — капитан кивнул, — можете рассчитывать на меня и команду.

Квилан взглянул на Рин.

— Тогда идём. Времени у нас куда меньше, чем хотелось бы

***

Кривые улицы встретили пришельцев едкой жарой, красноватой пылью и теснотой. Грохочущий город, что звался Ракеат-ур, был полон людей и лошадей и везде смердело человеческим и конским потом.

И ладно бы только ими!

В нос беспрестанно лезли то мускусные, жирные ноты духов, то щекочущие ароматы пряностей — от некоторых лавок, — и это ещё были запахи не самые неприятные. Хуже пахло от уличных лотков: смесью лука и рыбы, а кое-где помимо них липла к коже вонь преющих на жаре фруктов, одновременно сладкая и гнилостная.

Рин тошнило всё больше, а её голова, казалось, вот-вот должна была лопнуть. Боль стала нестерпимой, когда отряд проходил за Квиланом мимо окутанной кислым душком отчаяния

площади, на которой продавали, по-видимому, рабов. Кого же ещё полагалось держать голыми, в цепях, всё хватая несчастных за руки, шлёпая по бёдрам или икрам, стискивая лица, чтобы показать покупателям здоровые зубы?

Рин остановилась, глядя прямо на оживлённый торг — на обнажённые тела со следами побоев, на взгляды, устремлённые сквозь толпу. Некоторые из рабов смотрели в небеса, но не с мольбой о мщении или хотя бы об избавлении, а… пусто. Точно мёртвая рыба на прилавке.

Похоже, что Рин смотрела достаточно долго для того, чтобы к ней подбежал хорошо, ярко одетый мальчишка — должно быть, помощник торговца — и заговорил с юной госпожой по-атеккски. Наученная жизнью на борту «Солнечного Ветра» и братом Ордена и ведомая чутьём, она смогла понять, что у неё спросили: не желает ли, мол, госпожа подойти ближе и взглянуть на товар внимательнее.

«Товар, — сглотнула она, — он про них. Про людей».

Её руки сами собой сжались в кулаки; на лбу надулась тёмная жилка. В Таройан каждый был обязан служить, верно, но за это империя кормила, заботилась и защищала, в том числе от унижения!

Хорошо, что за неё ответил Квилан, да сразу на гисе:

— Госпожа утомилась. Подходить и выбирать она не желает.

— Может, госпожа подумает? — мальчишка мгновенно перешёл на гис и отчего-то зазвучал тоньше. — Для неё найдётся самое лучшее! Вдруг госпоже нужна девочка? Поможет одеваться, убирать волосы…

— Беги лучше к хозяину, — хмуро сказал Квилан. — Не слышишь? Он зовёт тебя.

Ложь, но брат Ордена удивительно ловко орудовал ей. Маленький помощник торговца обернулся, потоптался на месте немного и сбежал.

— Рин, — она повернулась на голос Квилана, сбрасывая гневный морок. — Медлить нельзя.

Проглотив ярость, магичка продолжила идти, а за её спиной зашагали Сейка и Верс.

— Туда, — Квилан указал на мощёную улицу. Та ползла ввысь, на холм — туда, где над черепичными головами домов возвышался белокаменный венец оплота Ордена на Рифе.

Вскоре на глаза перестали попадаться босоногие дети, а следом за чумазой ребятнёй пропали и горожане в простых домотканых одеждах. Прохожих становилось меньше и меньше, а вот всадников в алых плащах с золотыми рогами Хамаррат прибывало с каждым шагом, и всё чаще гремели по мостовой подковы.

— Хранителей порядка в Ракеат-ур, — объяснил Квилан, когда мимо проехали двое на поджарых длинноногих скакунах, — меньше всего внизу. Простому люду стражников порой не дозваться, но зато от стражи не продохнуть наверху, где стоят особняки горожан побогаче.

— До чего же знакомая тактика, — процедил сквозь зубы Сейка, утирая влагу со лба. — Родная, я бы сказал.

На холме дышалось легче. По взмокшим одеждам, по блестящим от жирного пота телам прошёлся прозрачный ветерок. На смену облегчению довольно быстро пришло благоговение, ибо теперь над крошечными фигурками путников высилась громада Ордена с величавыми арками и множеством витражей. Десятки колонн держали как будто бы не только крышу из ослепительного мрамора, но и низкие пыльные небеса.

— Не бедствует Орден на Рифе, как я погляжу, — ехидно заметил Сейка.

— Отнюдь, — сухо ответил Квилан.

У главной арки их задержали мрачные стражники, но стоило Квилану подать какой-то неуловимый знак, они расступились. Один на удивительно певучем гисе позвал гостей за собой и привёл их в сад с фонтаном. В лицо брызнула невесомая водяная пыль. Мимо проплыли, шелестя чёрными одеждами, юные слуги Ордена.

Вскоре жидкий человечек в тёмно-серой сутане вышел из-за поворота и поклонился Квилану:

— Ваше преподобие, для нас честь принимать гостей из оплота далёкой Аристы. Вас и… — он беспокойно пожевал губами, разглядывая Рин, — вашу спутницу ожидают, а в это время прочие могут насладиться тем, что мы храним в главном зале.

Верс позади чуть слышно охнул.

— Да будет так, — отвечал Квилан. — Проводи нас.

Коридор с высокими сводами вёл в главный зал, увитый не одной, а двумя галереями — на высоте второго и третьего этажей, и на каждом этаже — первом, втором и третьем — громоздились стеллажи. Половина письменных столов в зале пустовала; за другой половиной работали писцы, без устали скрипя перьями и с лёгким шелестом переворачивая листы бумаги. Рин мельком взглянула на Верса — тот, кажется, был близок к тому, чтобы лишиться чувств прямо на том месте, где стоял. Сейка держался спокойнее, но блеск в его серых глазах был весьма красноречив. «А ведь им разрешили, — Рин вспомнила слова проводника, — «насладиться» книгами, которые стоят на полках. По-видимому, любыми».

— Пойдёмте, ваше преподобие. И спутница.

Так они и поступили. Перед тем, как покинуть зал, Рин глянула на Сейку и Верса, прилипших к одному и тому же стеллажу, и лица у них были такими светлыми, словно бы каждый из них получил в дар ценность, достойную, по меньшей мере, места в императорской сокровищнице.

Когда Рин вошла в тесный коридор, Квилан прислонился к ней плечом и шепнул на ухо слово на атеккском. «Страх, — перевела она; её взгляд метнулся к проводнику, затем обратно к брату Ордена и снова к секретарю. Она пригляделась к его напряжённым плечам и неровной походке. — Боится. И впрямь боится, но чего?»

Секретарь привёл гостей в полутёмный зал. Удивительно, но даже в нём, несмотря на скромные размеры, оказалось довольно места для нескольких стеллажей с книгами. В центре стоял единственный стол, а вокруг него расположили три сиденья.

Квилан осмотрелся и подошёл вплотную к секретарю.

— Где доверенное лицо?

— Скоро подойдёт, ваше преподобие.

«Его преподобие», к изумлению Рин, не изменившись в лице, молча схватил секретаря за грудки, оттащил его за стеллаж и, оторвав от пола, прижал к стене.

— Слушай меня очень внимательно, — прошипел Квилан, без каких-либо усилий удерживая на весу человека ростом с себя самого. — Я не знаю, почему ты нам лжёшь, да, сказать по правде, и не желаю знать. Твоя горькая доля меня не волнует. *Зачем* ты обманываешь — вопрос много интересней.

— Ваше преподобие…

— Отвечай.

— Ваше преподобие, — повторил умоляющим тоном секретарь.

Брат Ордена помолчал; его нижние веки напряглись, он сощурился так, как делал только он один, — пугающе и в то же время насмешливо. Спокойно и очень медленно Квилан произнёс:

— Крови во взрослом мужчине твоего телосложения — с ведро. Сложно перечислить все чудеса, которые можно показывать, используя её. Так вот, если я ещё раз услышу от тебя хоть что-то вместо ответа по делу, то познакомлю тебя поближе с некоторыми из них. Тебе ясно? — последовал рваный кивок. — Тогда попробуем снова: зачем ты нам лжёшь?

— Я скажу. Я…

Сознаться секретарь не успел. Его прервал мягкий, шершавый голос, полившийся вдруг из недр комнаты:

— Надо же. Как легко тебя оказалось сломать. Не то чтобы я удивлена, мне ведь это тоже удалось, — Квилан сразу отпустил лжеца и увлёк Рин за стеллаж, к себе за спину. — Но то я…

Секретарь вжал голову в плечи и застыл ни жив ни мёртв.

Воцарилась тишина, и в ней не звучали шаги, не раздавался случайный, неосторожный скрип, но Рин и не пыталась вслушиваться. Она знала, что ничего не услышит, ибо Дознавательница Цибела была Тенью и могла ступать тише Квилана.

«Но, может, получится её увидеть раньше, чем она окажется слишком близко?» — Рин приникла к стеллажу: сквозь щели между книгами открытый угол со столом и сиденьями просматривался неплохо.

— Удивлена, Сердце нашего мира? — спросили книжные полки. — Зря. Наш господин видит то, чему суждено случиться. Он узрел тебя в Синнаге и предсказал, что ты явишься сюда.

— Ваш господин, — заявила Рин, плюнув на осторожность, — паразит, что пожирает магию и точит память. Что он посулил тебе? Что стоит гибели мира?

Тень шагнула в пятно света, обрела бледное лицо и тряхнула тусклыми лохмотьями волос. Рин бесшумно перетекла в боевую стойку и стиснула руки в кулаки. Цибела сжалась, как бы испугавшись чего-то; её губы задрожали, увлажнились внезапно глаза.

— Он… обещал мне, — запинаясь, сказала она, — обещал, что пощадит… моя сестра, Сердце нашего мира…

Тень смолкла. Рин смотрела на неё, на мерцающие глаза и на щёки, которые заливал живой, почти человеческий румянец…

Молчание тянулось, и росло смятение Рин. Она вздрогнула, как если бы под кожу ей вошла игла, пустив по венам усыпляющую отраву — сочувствие. Наконец, когда яда стало слишком много, разум завизжал: «Обман!» Цибела, правда, помолчала ещё, но вскоре, почуяв сомнение Рин или догадавшись о нём, повеселела, зашлась колючим смехом и так же резко замолчала.

— Не веришь? Почему же ты не веришь? — она скривилась вновь, будто должна была вот-вот горестно зарыдать. — Или тебе меня не жаль? Как жестоки нынче Сердца мира…

Её лицо сделалось каменным. Тень прошлась вдоль стеллажа, едва касаясь пальцами корешков книг и заговорила холодным голосом, без искры живого чувства:

— А ты, между прочим, могла бы извиниться. Учитывая неприятности, которые ты нам доставила. Ты и несчастные, жалкие существа, которые тебя сопровождают. А с другой стороны…

Она отвернулась, глядя в крошечное окно.

— …может, это мне стоит тебя поблагодарить? Ведь стоящее дело само по себе — достойная награда. Выходи, Сердце нашего мира, — её тяжёлый, пронизывающий взор впился в ряды книг в том месте, где за ними скрывалось лицо Рин; тёмные губы растянулись в широкой улыбке. — Ну же. Прятаться от нейромантии бессмысленно, ты не знала? Выходи, и я отблагодарю тебя лично.

«Нет уж, — мелькнула злая мысль, — сперва я».

В сторону Тени полетел стеллаж. Полки опрокинулись на стол и сиденья. Загрохотали книги и фолианты, лавиной сошедшие на пол. Цибела вспорхнула с лёгкостью птицы, перемахнула через летящие в неё пуды дерева, кожи и бумаги, и сверкнула перед Квиланом, как молния. Лязгнули два клинка. Кинжал Крыла отбил смертельный укус корды.

Пискнул напуганной мышью секретарь.

— Беги, бестолочь! — Рин со злостью оттолкнула его. Тот не удержался на ногах и упал. Улепётывал из комнаты он на полусогнутых.

Вновь взвизгнула сталь. Лезвие кинжала прошло по грани корды, полоснуло Цибелу по пальцам и высекло струйку крови. Затем Квилан по наитию отпрыгнул в сторону, но вражий клинок всё равно срезал прядь его волос и оцарапал щёку.

На новом ударе корда завязла в магическом щите, как муха в меду. Пространство оттолкнуло Цибелу, отбросив её на переломанные кости стеллажа. «Надо её, — мысль осветила пульсирующий от страха разум, — задержать!» Рин взмахнула руками, подняв стену изо льда — от стены до стены, от пола до потолка, и побежала за Квиланом. И самое время: за ледяной преградой мелькнула мутная тень.

Крак! Сквозь лёд пробилось длинное остриё.

Крак!

Рин не оглянулась.

Коридор вынес беглецов обратно к письменным столам и витражам, и Квилан захлопнул дверь, а затем Рин потянула за нити и повалила стеллаж, запечатывая проход. В зале уже шёл бой.

***

— Вниз! — прогремел Сейка.

Верс кинулся на каменные плиты, а над ним со свистом пронеслась тяжеленная скамья. Она врезалась в колонну и разлетелась на две неравные части.

Взгляд Рин пролетел по залу, цепляясь за то, что было важно. Верс — с левой стороны, под галереей. Цел. Сейка — справа, у ряда витражных окон. Жив, здоров. Убранству зала повезло меньше; оно походило на содержимое сундука, который трясли и швыряли: стеллажи, столы, лавки, стулья — всё перевёрнуто, опрокинуто либо вывернуто наизнанку. В воздухе — лёгкая взвесь пыли, на полу — чёрные ручейки из разбитых чернильниц.

Проход в коридор был обрушен; снаружи, из-за завалов доносились крики и грохот, а перед запечатанным наглухо порталом стояла тёмная фигура.

Рин шагнула вперёд и окликнула Сейку. Вместе они призвали бросок такой силы, что сорвали с пола несколько скамеек; те отскочили от щита и разлетелись испуганными голубями. С грохотом упали последние стеллажи.

— Все в сборе. К дикарю и дезертиру наконец присоединись орденский пёс и ройанское отродье, — ледяным тоном проскрежетал Рев, медленно оглядывая то одного противника, то другого. — Думаете, сообща вы стоите больше, чем порознь?

— Желаешь проверить? — Рин приготовилась обороняться и нападать.

Рев разрубил ребром ладони воздух. Жест был незнакомым, но один его вид давал понять: дело дрянь. «Не выдержит ни один щит, — Рин быстро оценила риск, — тем более мой».

— В сторону! — крикнула она, отпрыгнула и приземлилась под галереей; Квилан оказался у витражного окна, последнего в ряду.

Пространство съёжилось. Загудело. Посередине зала прошёл разлом, а стеллаж разлетелся в щепки, как и дверь, которую он подпирал. Проём развалился. Ударить бы по Тени, мгновенно выскочившей из облака пыли! Но плиты под ногами завибрировали, издав тяжкий стон. Рин вскинула руки. Тонкая колонна, которая летела Версу на голову, ударилась о щит и скатилась по нему, расколов плиты на полу. Цибела, не встретив никаких препятствий, бросилась к своей цели — сосуду Сердца мира.

— Воробушек! — Сейка бросился было к ним, но еле накрыл собственную голову щитом. Разноцветные осколки вылетели из окон от той мощи, которую на мага обрушил Рев.

Верс вырос перед Рин. «Слишком близко!» — только и успела подумать она.

— Верс, назад! — но тот лишь неловко взмахнул кинжалом и с ошалелым выражением лица побежал прямо на нейроманта. — Ты что… Стой!

Он не остановился. Промчался мимо Тени и накинулся на Квилана. Цибела улыбнулась:

— Теперь плод случки человека и животного не будет нам мешать. На его месте могла быть ты, но ты ведь нам нужна живьём.

— А вы мне, — ужас на лице Рин растаял в приливе гнева, — нет. Мне довольно будет ваших трупов.

— Кровожадная, — веки Цибелы опустились, пряча влажный счастливый блеск в глазах. — Ну же, не сдерживай себя.

Бросок, который мог перемолоть внутренности Тени в песок, едва её задел. Цибела распрямилась и ринулась вперёд. Подпрыгнула и уклонилась от волны. Ледяная стрела просвистела у левой щеки Тени, другая не попала в горло. Все усилия были тщетными: Рин пятилась, а противница приближалась.

Пока на неё со спины не накинулся… Верс, злобно рыча.

Цибела увернулась и прижала его к стене, железной рукой стиснув его запястье. Корда полетела к напряжённому горлу, точно птица, голодная до крови. Верс умудрился поймать её голой рукой. Красный ручей побежал по тонкому лезвию, потёк на рукоять, исчезая в складках одежд — и хищника, и жертвы.

Всё случилось мгновенно.

Верс дёрнул рукой, чтобы высвободить её из капкана нейроманта, и вдруг кровь из его раненой руки полилась не вниз, а вверх и стегнула Цибелу по глазам. Та отшатнулась, разжала пальцы и отпрыгнула, смазывая кровь с лица тыльной стороной ладони. Верс сжал рукоять с такой силой, что та раскололась, и с размаху всадил кинжал в плечо Тени.

Лезвие с треском разорвало ткань. С тошнотворным скрежетом прошло по кости.

Цибела отшатнулась и наклонила голову, глядя на дыру в рукаве и алые лохмотья, торчащие из неё, как нитки из полотна. Не последовало ни крика, ни вздоха — ничего; только резкий, как стрела в полёте, взор из-под белёсых бровей и улыбка, застывшая на лице, точно пришитая.

«Как? — Рин не могла поверить в то, что увидела. — Как?»

Мигом пустоты воспользовался Сейка. Жестом разъярённого игрока, смахивающего кости со стола, он смёл ворох обломков, осколков и щепок в сторону Цибелы. Она отступила вглубь зала и перепрыгнула через один из поваленных стеллажей, спрятавшись за ним.

— Хрена тебе! — воскликнул маг, стегнув укрытие Тени и вынудив её отбежать дальше, а Рева — сотворить щит. — Воробушек, стена!

Рин в один шаг развернулась и выбила камни из кладки. Рядом с магичкой в мгновение ока встал её учитель, а за ним — Квилан и Верс, которого брат Ордена волок за собой. Они выскочили на задний двор. Кажется, Рин врезалась в кого-то, похожего на слугу, — и его крик хлестнул её сзади.

— Туда! — указывая на поворот, велел Сейка, и все подчинились ему, некогда городскому жителю. Ветер хлестнул Рин по лицу, а ноги сами собой понесли её следом за магом. «Как в Синнаге, — запыхавшиеся мысли толкались в голове, — почти как там. Надо добраться… до пристани. До… пристани». Улицы и улочки то сужались на вдохе, то становились шире на выдохе; их дыхание ускорялось, и сердца в груди беглецов бились всё быстрее.

Очередной проулок был тесен и тёмен, но…

— Этот ведёт к воде. Бежим, — заявил Сейка. Рин рванула вперёд, оставив Квилана и Верса чуть позади и почти поравнявшись с учителем, но резко остановилась, шаркнув подошвами по мостовой.

В конце проулка вырос Рев.

Рин встала твёрже. Приготовилась отбиваться что было сил. Сейка замер в боевой стойке.

Но ничего не произошло.

Лицо Рева, усеянное сеткой шрамов, закаменело. Чёрные звериные глаза осматривали проулок в поисках сбежавшей добычи и не находили её, хотя глядели на неё в упор. «Но почему?» — Рин терялась в догадках.

Дознаватель ещё раз окинул бессмысленным взором стены и мостовую и, словно бы никого не обнаружив, попятился и скрылся за поворотом. Люди, которых Рев так и не заметил, стояли неподвижно, должно быть, с минуту, прежде чем решился заговорить Сейка:

— Это что… такое было?

Рин почуяла движение нитей пространства за спиной — непривычное и необычное, подобное лёгкой дрожи струн на арфе. Раздался бархатный голос:

— Игра света, господин тойханский маг.

Обернувшись, троица увидела женщину, с ног до головы закутанную в чёрное, длинную и острую, точно корды Теней, и, по-видимому, столь же смертоносную.

— Ты фотург? — Рин застыла; она была одновременно в ужасе от погони, что ещё билась в её висках, и восхищена. Незнакомка кивнула. Из-под платка, обёрнутого вокруг её головы и шеи, выскользнул мятежный завиток волос — чёрный как смоль, с проседью.

— Воробушек, ну что за идиотский вопрос? Больше никому не под силу искажать пространство. Благодарим за помощь, добрая леди… Наша спасительница не поделится именем?

Та вдруг изрекла, глядя не на него, а сквозь:

— Дороги. Их много. Дороги, по которым мы идём. Дороги, которые мы не выбираем. Мы думаем, они разные, но это не так. Все дороги ведут в одно и то же место. Оюнай, — она склонила голову перед Рин, не обращая внимания на опешившего Сейку, — так шептала мне дорога, по которой я не пошла. Я рада встрече, Сердце мира.

— Откуда… — не успела довершить вопрос Рин, её перебил Сейка:

— Безумный фотург с невероятными познаниями, — маг прищурился, — почти столь же поразительными, сколь и появление оного фотурга.

Оюнай совершенно не смутилась:

— Боится тот, что носит лица, лишённые черт, — спокойно пояснила она, приложив ладонь к груди, чем сразу заставила Сейку замолчать. — Носит вот здесь. Но бояться нечего. Я тридцать лет желала услышать биение Сердца мира. И вот оно бьётся здесь. Я должна… научить его играть со светом. Должна доставить его к тем, кто умеет плести полотно памяти.

— Ты ждала нас, чтобы меня учить? Отвести к Ткачам Памяти? Но откуда ты знала, что мы появимся на Рифе? — поразилась Рин не то услышанному, не то собственному пониманию. — Да ещё и три десятка лет назад?

Оюнай хотела ответить, но её лицо неожиданно вытянулось.

— Ключ, — только и произнесла она, потянувшись к Версу, — он бьёт из-под земли!

Тот зашатался и упал, и не рухнул на мостовую лишь потому, что не было такого движения, которое не смог бы опередить Квилан, — он и подхватил беспамятного. Рин метнулась к Версу, но путь ей преградил Сейка, позабыв об Оюнай. Он широко расставил руки и завыл:

— Куда? К новорождённому гематургу? Не пущу, только через мой труп, — магичка нахмурилась, совершенно не испугавшись, и попробовала пролезть вопреки учительской воле, но была схвачена узловатыми пальцами за загривок и оттиснута в сторону. — Ты оглохла? Нет! Я устал, устал от твоих попыток помереть молодой!

— Немедленно отпусти меня! — отчаянно вырывалась Рин, пока Оюнай, обняв ладонями голову Верса, рассматривала его побледневшее лицо и красную змейку, ползущую из носа. Госпожа фотург пожелала знать:

— Сколько лет у него за поясом?

— Пятнадцать, — полузадушенным голосом ответила Рин. Она оставила попытки высвободиться из стальных рук Сейки, но маг продолжал держать её за ворот. — Да пусти же, больно!

— Река опоздала, — бесцветным тоном заметила Оюнай.

— Магический дар обычно пробуждается раньше, — подтвердил Квилан. — Много раньше. На излёте детства.

— Не всегда. Нам известны и другие случаи, — важно вставил Сейка, наконец разжав руку и выпустив Рин.

— Да, и какие из них закончились чем-то, кроме трагедии? Особенно те, что имеют отношение к гематургии и нейромантии. Обнаруживать таких магов всегда стараются в малолетстве — и не без причины. Известные генеалогические линии тщательно изучаются, за ними пристально следят. При малейшем подозрении стараются пробудить дремлющие способности, если таковые есть.

Отдельные слова падали в глубокий колодец, в который превратился разум Рин: «Поздно. Пробуждается. Трагедии». Она тихо спросила:

— Но ведь он может и справиться?

Она верила, что Квилан даст ей надежду. «Уж маг крови-то наверняка должен знать, как поступить!» — думала она, но тот растёр её чаяния в пыль:

— Просыпаясь во взрослеющем теле, такие способности часто выпивают из молодых магов жизнь.

— Помоги ему, — взмолилась Рин. — Ты умеешь обращаться с этой магией!

— Я сделаю, что смогу. Но не буду лукавить, — тяжело уронил Квилан, — нам повезёт, если он не испустит дух в луже собственной крови. Как бы то ни было, сначала нужно отнести его на корабль.

— Сначала, — вновь заговорила Оюнай, осторожно и мягко, — наш путь. Я должна нарисовать его для нас, провести его линию к большой воде. К парусам из крови.

— Дай угадаю, — Сейка скривил губы, — ты жаждешь нам помочь.

— Дорога не жаждет тянуться, о носящий лица в сердце, — ответила Оюнай. Затем её взгляд замер на Квилане. Стал непроницаемым. — Я не жалею, что встретились мы — там, под тем небом…

В молчании, что, казалось, должно было взорваться от недоумения, как сухой порох от искры, брат Ордена глухо проговорил:

— Под вечным сиянием Указующей путь. Доверенное лицо Верховного Магистра — ты?

Оюнай кивнула:

— Наши с вами пути сблизились в твердыне, но не пересеклись. Паучата сплели свои ниточки, и паутина дрогнула в ином месте. Вперёд, пока не прибавилось новых нитей. Нарисуем линию, ведущую к ветру из солнца.

***

Дорога на пристань походила на пытку, ибо в каждом лице мерещился враг; каждая тень казалась живой и скалилась. Рин кралась, оглядываясь и холодея всякий раз, как раздавался из-за спины слабый звук — то стенал или бормотал что-то неразборчивое Верс, которого Квилан тащил на себе — на спине, перекинув через плечи.

— Воробушек, — Сейка взял ученицу за руку и вынудил её развернуться. Затем кивнул в сторону пристани. — Смотри туда. И только туда.

Камни под ногами задрожали.

— К стене, — велела Оюнай, попятившись. Конная стража — целый отряд — промчалась вниз по каменной петле улицы, поддавая лошадям пятками по бокам и переругиваясь. Всадники, как и простые прохожие, не взглянули на прижавшихся к стене беглецов.

Когда угроза миновала, Оюнай указала на проход в проулок:

— Сюда.

Там было тихо. Шум широкой улицы проглатывали стены, лишь долетали из открытых окон голоса хозяев.

Вдруг из переулка, уходящего вглубь жилого улья, вышел городской стражник. Он вряд ли увидел бы людей под защитой фотургии, но те решили, что осторожность не повредит, а потому спешно укрылись — через открытую дверь нырнул в чужой дом Квилан с Версом

на плечах, следом вбежала Рин. Сейка, к своему неудовольствию, вынужден был прятаться с Оюнай за лестницей, ведущей на второй этаж одного из домов.

Стражник повернулся лицом к беглецам. Он взмахнул ножом и рассёк собственное горло. Мостовая покрылась красными брызгами, а раненый упал на спину, рвано дыша — сиплый вдох, кровавый выдох.

Из-за поворота вышел Рев. Рин задержала дыхание на мгновение. Квилан сжал рукоять кинжала.

Дознаватель осмотрел проулок.

— Этот последний?

— Из тех, кто жаждал выслужиться? Да, — Цибела выплыла и поравнялась с Ревом. Она наступила стражнику на грудь, так что у него изо рта выплеснулась тёмная густая струя. — Выслужился? А ведь тебе повезло. Попадись ты мне несколько лет назад, и я бы с удовольствием изучила твои языческие внутренности…

— Цибела, — хрипло окликнул её Рев.

— …как знать, может, они отличаются от тех, что начиняют правоверных элиссиа́н?

— Довольно.

Тень побледнела и сжала желваки. Рёбра стражника хрустнули под её сапогом, и мужчина обмяк. Его дыхание остановилось.

— Сосуд был почти у нас в руках, — холодно сказал Рев.

— Он будет.

— Хотелось бы верить, что твоя игра больше не помешает делу, — Цибела побелела и резко развернулась к Реву; Рин показалось на миг, что она ударит его по лицу. Этого не произошло. Дознаватель же и бровью не повёл. — Идём.

Он скрылся за поворотом. Цибела не поторопилась последовать за собратом и хищно оглядела проулок. «Прятаться от нейромантии, — трепыхалась, утопая в вязком ужасе, единственная мысль, — бессмысленно». Вся надежда была на то, что искажение, призванное фотургом, окажется непроницаемым, а стены — достаточно толстыми. Дыхание срывалось. Лихорадочно билось сердце, и в ушах шумела кровь.

— Идём! — Рев повторил приказ.

Наконец исчезла и вторая Тень.

Рин выдохнула. Воздух со свистом вышел через приоткрывшиеся губы. Прошла минута, другая, ещё. Дознаватели, похоже, не собирались возвращаться. Оюнай прошла к переулку, в котором они скрылись, и заглянула в него, после чего позвала прочих за собой.

Рин ненадолго задержалась у мертвеца.

— Не стой, — подтолкнул её Сейка.

Вскоре они вышли на открытое пространство, и перед ними раскинулась пристань. У «Солнечного Ветра» было не протолкнуться: на подступах к кораблю толпились стражники.

Рин присмотрелась к палубе. Средь застывших моряков обозначилось движение: Солас и Луций висели на Томирисе, еле сдерживая его, Тит стоял перед ним, размахивая руками, а по трапу спускались Цилла и капитан. Они шли в окружении нескольких человек в чёрных плащах, и на каждом плаще парила красная птица.

— Быстрые здесь слуги Ордена, ничего не скажешь, — прошипел Сейка.

— Ищут нас, — ровным голосом сказал Квилан, как если бы не он тащил на себе вес, равный своему.

Оюнай обратилась к Рин, широко раскрыв чуть раскосые глаза:

— Паучата. Их паутина. В ней увязло много красных плащей и алых птиц. Я стану тенью и тех, и других. А вы… Туда, — смуглый перст указал на трущобный улей в низине. — Вам нужно разыскать белые стены. Травы и смрад болезни там слились, как мёд и яд. Земля… —

госпожа фотург замолчала, мучительно вылавливая слова из бурной реки мыслей. — Синяя дверь. За ней глухие шаги. Серая кошка. Идите.

— Постой… — начал было Сейка. Связи пространства слиплись в клубок, и Оюнай исчезла, сжавшись в бесконечно малую точку. Тотчас распрямились нити, и Рин отшатнулась. В её голове зазвенело так громко и гулко, будто кости черепа обратились вдруг в медные стенки колокола. — Проклятье. Что же, по всей видимости, могучий фотург станет нашими глазами. Что до нас…

«Травы, смрад болезни, мёд и яд», — Рин мысленно перебирала указания.

— Травы, смрад болезни… мёд… яд… — повторила она вслух. — Похоже на приют или лечебницу.

— Похоже, — скривился Сейка. — Да и с дверью вроде как не ошибёмся, хотелось бы верить. Понять бы ещё сказ о шагах и кошке.

— Поймём, — отрезал Квилан, — когда доберёмся. Идём.

Глава третья. Искра

Фотургия — поистине удивительная дисциплина, даже в глазах тех, кто одарён магией, ведь никто не может столь же чутко касаться пространства, как фотурги. К сожалению, как ткань рвётся там, где тонка, так и чувствительный разум фотурга склонен к повреждению — больше, чем у кого-либо из магов.
— записи ученика Лейны Сатор

Лечебница — а это, несомненно, была именно она — казалась давным-давно заброшенной. Пустые рамы в грязных стенах и загаженная вопящими чайками крыша… развалина выглядела окружающим халупам под стать.

— Туда, — сказал Сейка, направляясь к ободранной синей двери в дальней стене. Он отодвинул хрипящую створку, открыв ход, который вёл вниз и утопал в кромешной темноте. — Нет уж, дудки, не для того мы плыли три недели, чтобы посворачивать шеи в этом гнилом подвале. Кремень есть, вашпреподобие? Ах, в поясной сумке… Трут там же, полагаю. Воробушек, найди-ка мне палку и тряпку, будь добра, и соедини их так, как тебе велит разум.

Рин отыскала обломок доски и обмотала его с одной стороны вонючей тряпкой, подобранной с пола.

— Умница. Теперь клади сюда, — маг высек искру, подпалил трут и раздул небольшой огонёк — им удалось поджечь тряпку, и вот в руках у Сейки был смердящий и жутко чадящий факел. — Чудно.

Они спустились в чрево лечебницы, не слыша звука собственных шагов. В свете факела проступила комнатка с чёрными от плесени стенами, затянутыми паутиной стеллажами, на каждой полке которых словно стояло по одной длинной книге с серым корешком — так сильно кожаные обложки заросли пылью. В углу стоял стол, заставленный замызганными склянками и заваленный бумажным пеплом, а на стуле сидел, запрокинув истлевшую голову, скелет в лохмотьях. В костяных его пальцах что-то поблёскивало; Рин присмотрелась и распознала кольцо — медное, позеленевшее от времени.

— Доброго дня, — Сейка поприветствовал старые кости и поставил факел в одну из склянок, а после снял плащ и постелил его прямо на земле. — Вашпреподобие, позвольте помочь.

Квилан вместо ответа опустился на колени и согнулся. Сейка стащил Верса и осторожно положил его на плащ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.